

себе популярность не только в Англии, но и в других странах: индус Энанд, героически погибший на испанском фронте Ральф Фокс, поэты Спендер, Оден и другие. Несомненно талантливы страницы очерков Бэйтса, посвященные Испании. Жизненность, гуманистический характер сборника, так же как демократичность его, почувствовали и английские критики первого выпуска «Нью райтинг». Они пишут о творчестве, «рожденном непосредственным наблюдением жизни народов разных наций — в войне, революции и мире», о духе братства, действенного широкого товарищест-

ва, возникающего между угнетенной частью человечества.

Ценность произведений неравна. Вещи Энанда, Бэйтса, Фокса (если говорить только об авторах, пишущих на английском языке) художественно сильнее других; есть примитивные или искусственно эстетские страницы. Но несмотря на это редакторы сборника ведут интереснейшую и идейную работу по объединению передовых и честных литературных сил. Несомненно, из демократических масс Англии придут десятки талантливых молодых писателей.

А. Т.

Максвелл Андерсон — „Бескрылая победа“

Вашингтон, 1936

(Maxwell Anderson. „The Wing less Victory“. A play in three acts. Anderson Hoks. Washington. D. e, 1936, p. 133)

1800-й год. Новая Англия. Городок Салем, полный пуританского благолепия, пуританской деловитости, пуританской непримиримости и ханжества. Пуританизм — «созидательная» религия отцов-пионеров, всегда был основой так называемых «великих традиций» консервативной Америки. Максвелл Андерсон, популярный американский журналист и драматург, увидел в нем одну из бесчисленных форм ложной морали, ловко скрытого лицемерия и косности.

Он обратился к событиям более чем столетней давности не из стремления воскресить «великое историческое прошлое». Он увидел в этом прошлом те черты, которые, все более обостряясь, составили содержание не только стопроцентного американизма, но и вообще реакционной идеологии всего мира.

Преподобный Финеас Мак-Куэстон, его черствая, холодная мать, старшины церкви, самодовольные уважаемые граждане Салема составляют окружение, невольно напоминающее замечательного «Ученика дьявола» Шоу. Блудные сыны семейства Мак Куэстон — дерзкий Руэль и капитан Натаниэль, вернувшийся из далеких странствий на отвоеванном корабле с малайской принцессой и цветными детьми, слишком отдают литературщиной, романтическими ее стандартами. Но в какой-то мере они напоминают тех блудных сынов буржуазии, которые, отрекаясь от своих отцов, все чаще выступают в литературе как их обличители.

Нам, людям, живущим в стране Сталинской конституции, нельзя забывать, что для миллио-

нов людей буржуазных стран расовая проблема актуальна и остра. Конфликт пьесы М. Андерсона построен на той непримиримой вражде, с которой шокированные граждане Салема и семейство Мак-Куэстон встретили очаровательную темнокожую женщину. Они изгоняют малайскую принцессу с детьми из своей «человеческой любимой» среды, они идут на шантаж для того, чтобы очистить город от «грешной язычницы»: судья, священники, коммерсанты Салема, многим обязанные богатому Натаниэлю, снабдившему их деньгами, грозят обвинить его в пиратстве, если он не откажется от своей цветной семьи. Но они спокойно согласны пользоваться его грешными деньгами и скрыть «преступление», если он вернется в лоно пуританского благочиния. Денежная основа и формальность их бесчеловечной морали раскрыта здесь зло и остроумно. Изгнанная принцесса Опарр убивает своих детей и себя на борту корабля еще до того, как он покинул берега Новой Англии. Тогда Натаниэль, сначала мучительно пытавшийся приспособиться, согласившийся даже на разлуку с семьей, приходит к «духовной» победе вслед за множеством «побежденных победителей» — героев большой гуманистической литературы: он отплывает на корабле вместе с мертвыми детьми и женой, оставляя свои богатства и врагов, вероятно, довольных такой развязкой. Корабль этот назывался «Бескрылой победой». Что это? Оценка Натаниэля? Если так, то, быть может, сам автор понял, какое большое расстояние отделяет

его «победителя» от подлинных борцов против расовой непримиримости. И хотя удалась ему гораздо лучше отвратительные пуританские ханжи, чем искусственно-экзотическая и «литературная» Опарр, олицетворяющая свободное чувство и достоинство, драма Андерсона гуманистична. Конечно, не такими драмами можно бороться с все нарастающим в Америке расо-

вым шовинизмом, кровожадными призывами к линчеванию негров и еврейским погромам. В драме Андерсона лишь литературный отзвук современной борьбы. Но гуманистическая идея «Бескрылой победы» не может быть не направлена против бесчеловечности фашизма, против варварского угнетения так называемых «неполноценных рас».

Шандор Гергель — „Ночь над Будапештом“

Перевод с венгерского О. С. Биркенгоф-Петрович. Редакторы Е. М. Закс и М. А. Арвалл. Жур.-газ. объединение. М., 1937, стр. 243, тир. 20 000, ц. 1 р. 75 коп.

Этот роман был написан давно. Он вышел тринадцать лет тому назад. Его автор, Шандор Гергель — венгерский коммунист. Он был слеп, когда начал диктовать свою книгу и несмотря на то, что закончил ее, когда зрение уже частично к нему вернулось, жизнь восприняга и воспроизведена им в образах слуховых и осязательных; а зрительные представления отошли в тот странный мир интуиции, воображения, галлюцинаций, который знают только слепые и который хочет донести до нас Гергель. В этом своеобразии «Ночи над Будапештом», в этом странная и волнующая особенность ее стилия.

Биография героя и автора во многом совпадают. Гергель, пришедший к революционному движению в 1926 году, в период создания этой книги был по собственному признанию «слеп не только физически, но и духовно». И жизнь его героя Тэвиша была подлинно беспросветной ночью; это — искалеченное, страшное существование, полное злобы, ненависти, анархического бунта.

Вереница слепых, глухих, припадочных, безногих и безруких, рожденных империалистической войной, обманутых, выброшенных на дно — ползают по улицам Будапешта, беспощадно и неуклюже цепляясь за «блага» жизни, со страшной злобой отвоевывая себе место под солнцем, торгуя контрабандным табакком, связываясь с жуликами, авантюристами, сутенерами. Они теряют человеческий облик в этом городе белого террора, безудержной реакции, инфляции, разгула «мирного» времени.

И среди них — инвалид войны, ослепший Петер Тэвиш, продающий в разнос папиросы и сигары, когда-то провинциальный журналист. Он блуждает во тьме, угнетенный сознанием собственного бессилия и бесплодной ненавистью к виновникам войны, к белогвардейщине, к жизни, плодящей воров, прости-

туток и калек. Но Тэвиш отличается от своих несчастных собратьев жизненной силой, здоровым творческим началом, не покидающим его даже в то время. Это сила помогла Гергелю в будущем понять, кого же и за что он должен ненавидеть, как бороться за уничтожение мира обмана, распутства, нищеты, в котором он ошупью блуждал.

Тэвиш прозревает на последней странице романа. Правда, все, что он смутно видит впервые, — это окно тюрьмы, куда он попал вместе с другими инвалидами за незаконную торговлю. Но чувствуется, что это последние дни люмпенского существования Тэвиша. Он уже начал свою книгу, он осматривается своими начинающими оживать глазами; ночь кончается, и вместе с серым рассветом дня, впервые воспринятым зрительно, приходит начало новой, человеческой жизни Петера.

Революционер, сейчас создавший уже ряд произведений, посвященных революционной борьбе, коммунист, принужденный покинуть Венгрию, где его преследовали, как политического преступника, Гергель рассказал в своей книге о своем страшном слепом прошлом. Эта слепота ощущается в каждой ее странице и мастерски доведена до русского читателя прекрасным переводом.

Лишь в одном невольно хочется упрекнуть автора, что мир героя слишком уж замкнут, что разврат, драки инвалидов, стеклянные глаза слепых, которыми играют дети, страшный паноптикум ползающего, бьющегося в припадках, мычащего инвалидного убежища воспроизведены чересчур густо, с каким-то садизмом. Но мысль о том, что книга написана слепым, что этап темной озлобленности и анархического бунтарства давно преодолен автором, должна смягчить остроту этого упрека.

Б. К.